

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

МЕЛОМАНИЯ

Всё из пластика! Это фантастика!

Зальцбургский фестиваль открылся премьерой оперы от Питера Селларса и Теодора Курентзиса

Юлия Баталина

«Наши в Зальцбурге» — праздник, что называется, со слезами на глазах. Читаешь в программке, что Теодор Курентзис — художественный руководитель Пермской оперы, а он уже неделю как написал заявление об увольнении. Курентзис активно участвует в программе Зальцбургского фестиваля третий год подряд, но в этом году предстал в новом качестве — в качестве свободной европейской звезды, не привязанной к какому бы то ни было месту или коллективу.

По праву старых друзей пермяки были в курсе предстоящей в Зальцбурге премьеры: по традиции перед началом работы над режиссёрской версией Курентзис показал в Перми концертное исполнение оперы Моцарта «Идомея», а режиссёр Питер Селларс устроил встречу со зрителями, где подробно рассказал о своём замысле.

Так вот. На открытии фестиваля в Зальцбурге зрители услышали совсем не то, что слышали в Пермском театре оперы и балета; более того, большинство из того, что обещал Селларс, зрители не увидели.

Зальцбургский «Идомея» — буквальное продолжение «Милосердия Тита», ещё одной моцартовской оперы, поставленной теми же Курентзисом и Селларсом два года назад. Как и «Идомея», «Милосердие Тита» было избрано в качестве спектакля открытия фестиваля — это почётно и подчёркивает актуальность постановки. Идёт опера на той же самой сцене — в Скальном манеже, и даже декорации те же самые; что ж, вторичное использование ресурса — это экологично и «антропоцен-френдли», что отражает пафос постановки: подобно тому, как в 2017 году в «Милосердии Тита» Селларс говорил об угрозе международного терроризма, сейчас он сосредоточился на другой глобальной угрозе — загрязнении окружающей среды.

Есть даже детали совпадения: так, в заглавной партии, как и два года назад, выступил американский тенор Расселл Томас. И опять играл царя. В «Милосердии Тита» публику потряс дуэт певицы Марианны Кребассы в роли Секста и кларнетиста Флориана Шюле: она пела, он играл, лёжа на полу сцены. Нынче же в положении лёжа спели все центральные персонажи, но такого мощного эффекта этот приём уже не произвёл.

Снова, как и в «Милосердии Тита», а ещё раньше — в «Королеве индейцев» на пермской сцене, мы увидели толпы беженцев, которых теснят люди с автоматами, — постоянный мотив Питера Селларса.

В общем, это было «Милосердие Тита — 2», и нововведений в постановке по отношению к прошлому спектаклю было ровно два: пластик на сцене и финальный балет. Именно эти две детали должны проиллюстрировать могучий посыл Питера Селларса,

его призыв к человечеству найти общий язык с природой и получить, как герой оперы, милосердие и прощение Нептуна.

Об этом режиссёр говорил в своей речи на церемонии открытия фестиваля в присутствии президента Австрии Александра Ван дер Беллена и других высоких чиновников и деятелей искусства. Режиссёр нарисовал картину антропогенного апокалипсиса, когда загрязнение пластиком навеки изменит наш мир, а океан выйдет из нынешних берегов и затопит многие острова; но в то же время Селларс даёт и рецепт спасения — отдать власть над миром молодым, дать дорогу новым поколениям, новым идеям. По его мнению, опера Моцарта — образец разумного оптимизма.

То, что честь выступить с речью доверили именно Питеру Селларсу, доказывает, насколько важно руководство фестиваля считает тему взаимодействия человека и природы. На эту повестку откликнулись и другие культурные институции Зальцбурга, традиционно сверяющие свои программы с фестивалем. Так, в Музее современного искусства две из трёх выставок перекликаются с темой селларсовского «Идомея»: выставка All Natural посвящена взаимодействию человека и природы, а красивейшая персональная выставка израильской художницы Сигалит Ландау Salt Years изучает сложности отношений человека и моря.

В большом содержательном буклете, сопровождающем спектакль, есть несколько публицистических статей, в том числе программное эссе публициста-эколога Ани Кригер «Унаследовать антропоцен», в котором нарисована картина антропогенного апокалипсиса: спрессованные слои пластика превратятся в пластолиты, которые постепенно заменят собой естественные минералы земной коры, а крошечные нанопластики постепенно проникнут в живые организмы, и все мы будем состоять из пластика и жить в Пластисфере.

Как это будет выглядеть, продемонстрировал нам в «Идомея» художник-постановщик Георгий Цыпин, который буквально завалил сцену прозрачными пластиковыми пузырями причудливой формы. Обитатели Крита и пленные троянцы время от времени пытаются навести там порядок, собрать весь этот «мусор», но как-то не очень успешно. В финале первого действия пластиковая «тара» взмывает вверх, под пото-

ФОТО RUTH WALZ/ЗАЛЬЦБУРГСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Танец полинезийца Арикутау Тентау и пластиковых медуз

лок, и там «плавают» в синих «морских» сполохах (художник по свету — Джеймс Инголс), а по сцене начинают ползти гигантские студенистые существа из числа тех, что, наверное, уже сроднились с пластиковым мусором... И все мы, зрители вместе с артистами и музыкантами, вдруг оказываемся на дне моря, в царстве Нептуна, на «небе» которого плавают бесчисленные пластиковые бутылки. И всё равно это красиво.

Да, этот момент — из разряда тех магических событий, которые доказывают, что современный театр способен на любые чудеса.

Вдохновлённая красивым финалом первого действия премьерная публика вышла на перерыв, чтобы увидеть, как ливень накрывает утомлённый многодневным тропическим солнцем Зальцбург, а вернувшись в зал, обнаружила, что чудеса кончились. Всё второе действие мы смотрели оперу семистейдж: светящиеся стелы — наследие декораций «Милосердия Тита» — уже не вырастали из пола, пластиковые монстры, похоже, сдохли и, тусклые, безжизненные, застыли в глубине сцены. Всё действие состояло из перемещений героев по пустой сцене с несколькими выходами в зал. Движения эти временами напоминали балет: так, роскошный квартет в начале второго действия был настоящим па-де-катром, перемещения певцов подчёркивали переходы темы от одного голоса к другому; кроме того, герои, как было сказано, то и дело укладывались на пол, то в одиночку — поразмышлять, то парочками — помиловаться. Вот и вся режиссура, собственно.

Про что всё это? Неужели про «ах, как мне тяжело, я люблю Илию, но должен жениться на Электре, ах, жизнь моя хуже смерти»? А где же окружающая среда, где глобальное потепление, где, наконец, Нептун?

Нептун, кстати, есть. Помнится, в Перми зрители, собравшиеся на встречу с Селларсом, спросили режиссёра, как он поступит с образом Нептуна, и он от ответа технично увернулся: мол, пусть это будет сюрпризом. Сюрприз заключался

в молчаливом рослом мужике в грязно-синем балахоне, который ходит за Идомеяем на протяжении всего спектакля. Кажется, что это актёр миманса, изображающий, например, совесть Идомея или, скажем, неумолимую судьбу... Но в финале, где положен «бог из машины», молчаливый мужчина начинает петь, и оказывается, что он-то и есть Нептун.

Если уж зашла речь о костюмах, сочинённых Робби Дуйвеманом, который, так же как и Георгий Цыпин с Джеймсом Инголсом, перекочевал в постановочную группу «Идомея» прямо из «Милосердия Тита», то сначала они навевают редкостное уныние, поскольку все, кто находится на сцене, одеты в одинаковые пижамки, напоминающие рабочие костюмы коммунистического Китая, но различающиеся по цвету: критяне в голубеньком, пленные троянцы — в коричневом. Единственное исключение — Электра. Она не троянка и не критянка, а прибыла из Аргоса, так что имеет право на платье, но это платье вместе с причёской катастрофически не идёт певице Николь Шевалье. Можно подумать, что художник специально так её одел, чтобы зритель сразу понял: с таким аутфитом ей никакой Идамант не светит, быть ей старой девой.

Постепенно по ходу действия герои преображаются, очеловечиваются, индивидуализуются: Идомея одевается в парадный мундир, Илия — в джинсики и растянутый свитер, и даже хористы, изображающие критско-троянские народные массы, постепенно сменяют пижамки на крестьянские платья, платки и жилетки, оставшиеся от «Милосердия Тита». Те хористы, которые в постановке 2017 года не участвовали, так и остаются в пижамках — не шить же им специально новые костюмы, это затрата ресурсов и энергии, что неэкологично.

Больше всех не повезло с костюмом Поле Муррихи, играющей Идаманта. Очаровательнейшая певица, звезда камерных «лидерабэндов», любимая зрителями Дягилевских фестивалей, превращена здесь в лохматого пацана, подозрительно похожего на Секста из «Милосердия Тита»